

Современный Детектив

Наталья Александрова

Три ангела
по вызову

Три подруги в поисках денег и счастья

Наталья Александрова

Три ангела по вызову

«Автор»

2012

Александрова Н. Н.

Три ангела по вызову / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2012 — (Три подружки в поисках денег и счастья)

ISBN 978-5-271-39026-5

Трем неунывающим подружкам – Ире, Жанне и Катерине – очень не повезло. Незнакомый мужчина насильно всунул Кате в руки таинственный кейс и убежал – и за ней немедленно принялись следить люди самого мерзкого вида. Но что им надо? Ведь кейс, как выясняется, набит... хозяйственным мылом! Однако это – только начало. Теперь за подружками охотятся и бандиты, и их конкуренты, и даже беспощадные дамы из частного охранного агентства «Амазонка». Неужели все это – из-за десятка брусочков хозяйственного мыла? А может быть, в кейсе должно было находиться что-то совсем другое? Жанна, Катерина и Ира понимают: им предстоит новое расследование!

ISBN 978-5-271-39026-5

© Александрова Н. Н., 2012

© Автор, 2012

Наталья Александрова

Три ангела по вызову

На широком, как летное поле аэродрома, письменном столе зазвонил телефон.

На этом столе было несколько телефонов, но именно этот, старомодный массивный аппарат цвета слоновой кости, был среди них самым важным. Звонил он редко, и каждый такой звонок обозначал либо серьезные неприятности, либо, наоборот, шанс, подаренный благосклонной судьбой.

Лев Николаевич протянул руку и снял трубку.

При этом он заметил, что рука его мелко дрожала, и огорчился.

Нужно держать себя в руках, не давать воли нервам. Этак руки будут потеть от волнения, а это уж совсем никуда не годится. Рукопожатие человека его уровня должно быть сухим, твердым и холодным. Холодным как сталь.

Еще не так давно, снимая трубку с этого аппарата, Лев Николаевич вставал. Он долго не мог приучить себя разговаривать с начальством сидя. Даже когда начальство никак не может его увидеть. Но в последние дни судьбоносные звонки случались довольно часто, и он привык относиться к ним более сдержанно.

– Слушаю, – проговорил Лев Николаевич, прижав трубку к уху.

– Материалы подготовлены? – осведомился бесцветный голос, искаженный устройством засекречивания.

– Готовы. – Лев Николаевич едва не назвал своего собеседника, но вовремя прикусил язык.

– Передашь их сегодня моему человеку, – продолжил собеседник и назвал место встречи.

Лев Николаевич замялся, и бесцветный голос с едва различимой усмешкой проговорил:

– Не беспокойся, Лева, наша договоренность остается в силе. Как только документы поступят по назначению, тебя переведут в Москву, место для тебя уже готово.

Лев Николаевич едва не выпалил «рад стараться». Правда, его радость немного подпортила насмешливо-покровительственная интонация собеседника и еще то, что тот назвал его по имени. Конечно, вычислить его по номеру телефона ничего не стоит, но все же есть какие-то правила, по которым ведут такие разговоры. Он-то не назвал собеседника по имени-отчеству! Тем самым этот человек еще раз указал ему место, подчеркнул дистанцию между ними!

Из трубки давно уже доносились гудки отбоя.

Лев Николаевич взглянул на трубку с некоторой неприязнью и положил ее на аппарат.

Ладно, мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним! Главное – попасть в Москву, а там уж он развернется!

Он встал из-за стола, открыл сейф, вынул из него новенький кейс с массивными металлическими замками. Поставив кейс на стол, огляделся, словно уже прощался со своим кабинетом.

Еще недавно этот кабинет казался ему пределом мечтаний, венцом карьеры. Этот просторный стол, красивая вымуштрованная секретарша, огромный ковер с мягким зеленым ворсом, многочисленные телефоны... ведь именно количеством телефонов на столе определялся уровень начальника!

Только добившись этого места, он понял, как малы, как ничтожны его возможности! Настоящая власть, настоящее влияние, настоящие деньги, да и вообще настоящая жизнь только там, в Москве! И ради того, чтобы попасть туда, он готов был на любую подлость, да что там – на любое преступление и даже на любой риск.

Ведь надо признаться себе: то, что он сейчас делает, очень рискованно.

«Материалы» – ну надо же! Он хмыкнул. Никакие не материалы, а обычная взятка. То есть не совсем обычная – деньги, конечно, большие, триста тысяч долларов, хотя для Москвы это не так чтобы много.

Но дело в том, что человек, для которого предназначены деньги, очень уж на виду, да еще сейчас у него неприятности. Там, в Москве, все время какая-то чехарда – то министров сажают, то прокуроров меняют... И откладывать такое дело нельзя, нужно действовать сейчас, пока этот человек что-то может, кто знает, каким будет его преемник!

Так что если сейчас станет известно о взятке, ему, Льву Николаевичу, не видать не то что Москвы, но даже этого кабинета... да какой там кабинет! Ему останется разве что собирать бутылки по помойкам... хотя, говорят, и там конкуренция!

На лбу у него выступила испарина.

Лев Николаевич достал из кармана белоснежный платок, промокнул лоб и взялся за ручку кейса.

И в это время ожило переговорное устройство на его огромном столе.

– Лев Николаевич, – низким интимным голосом проговорила секретарша Виктория, – к вам Антон Сергеевич!

– Черт! – прошипел Лев Николаевич. – Не могла сказать, что я ушел! – «Обычно она куда сообразительнее! Как не вовремя... но что делать, придется принять, а то пойдут разговоры...» – Пусть войдет! – громко сказал он, щелчком переключив интерком, и поспешно переставил кейс со стола на пол, сбоку от своего удобного рабочего кресла.

Дверь кабинета открылась на четверть, в нее деликатно проскользнул крупный светловолосый мужчина с преданно выпученными рыбьими глазами. В руке он держал большой потертый портфель.

– Что у вас, Антон Сергеевич? – Лев Николаевич демонстративно взглянул на часы. – Меня ждут в мэрии...

– Это по поводу нового корпуса, – зачастил тот, еще больше выпучив глаза. – Вы хотели посмотреть чертежи... вы просили их подготовить... я могу вам показать... – И он, еще не закончив фразу, плюхнул свой портфель на дальний конец стола, расстегнул застежку и принялся вываливать на стол уйму бумаг.

– Не сейчас. – Лев Николаевич поморщился, откровенная тупость подчиненного его раздражала. – Вы не поняли? Я же сказал, меня ждут в мэрии...

– Извините! – Подчиненный всплеснул руками, его шея побагровела, а глаза чуть не вылезли из орбит. – Извините, я сейчас! – И он принялся торопливо заталкивать бумаги обратно в портфель.

– Лев Николаевич! – раздался вдруг из интеркома взволнованный голос секретарши. – Можно вас на секунду? Это очень важно!

– Что?! – раздраженно переспросил начальник. – В чем дело?

– Я не могу говорить! – Виктория перешла на свистящий шепот: – Но это очень важно!

– Черт! – Лев Николаевич покосился на спрятанный под столом кейс, потом на подчиненного, трясущимися руками убирающего в портфель чертежи, и в несколько шагов покинул кабинет.

Едва он вышел из кабинета, Антон Сергеевич словно переродился. Он выпрямился, стремительно обежал стол, вытащил из-под него кейс, снова обежал стол. Из своего огромного портфеля вынул второй кейс, точно такой же, как первый. Чемоданчик Льва Николаевича ловко запихнул в свой портфель, сверху завалил чертежами. Свой же кейс поставил на место похищенного, возле кресла начальника, вернулся и снова с глупым, озабоченным видом принялся засовывать в портфель чертежи и листы документов.

– В чем дело? – Лев Николаевич вышел в предбанник и раздраженно уставился на секретаршу.

Та выразительно взглянула на дверь кабинета, из-за которой доносилось сосредоточенное пыхтение Антона Сергеевича.

Шеф пожал плечами и прикрыл дверь поплотнее.

– Ну, в чем дело? – Он грозно навис над секретаршей, как грозовая туча над утлым парусным корабликом, затерявшимся в бескрайних просторах океана.

– Я как раз насчет Антона Сергеевича, – зашептала секретарша. – Еще вчера хотела вам сказать...

– Что такое? – раздраженно прошипел Лев Николаевич. – Сейчас неподходящий момент...

– Я вчера видела, как он садился в машину к Федору Михайловичу! – едва слышно выдохнула Виктория.

В другой день Лев Николаевич благосклонно выслушал бы такую информацию, более того – она очень бы его заинтересовала. Еще бы, его непосредственный подчиненный, заместитель по хозяйственным вопросам, вступает в контакты с главным конкурентом! Здесь явно просматривается какая-то интрига!

Но сегодня у него были дела поважнее, и Лев Николаевич, побагровев, рявкнул на секретаршу:

– Занимайся своими делами!

Он развернулся и хотел вернуться в кабинет, но Виктория внезапно разрыдалась. Она уронила лицо в ладони, узкие плечи затряслись, и сквозь бурные рыдания прорывались отдельные слова:

– Зачем же так... я хотела как лучше... вы же просили меня сообщать... я старалась...

Женские слезы всегда действовали на Льва Николаевича удивительно сильно, тем более что Виктория была для него человеком вовсе не посторонним. Ее вздрагивающие плечи, беззащитный затылок вызвали в душе железного человека неожиданное движение. Он склонился над ней, погладил по узкой спине, достал из кармана платок. Секретарша подняла заплаканное лицо, взглянула на шефа полными слез доверчивыми глазами. Он вытер ее слезы своим платком и смягчившимся голосом проговорил:

– Ну не надо, не надо... я погорячился... это действительно важная информация, спасибо тебе... если все будет хорошо, я возьму тебя с собой в Москву...

– Правда, Лев Николаевич? – Лицо секретарши посветлело, как небо после грозы.

– Правда, правда! – Он потрепал ее по щеке и вернулся в кабинет.

Антон как раз закончил убирать в портфель свои бумаги. Он взглянул на шефа пустыми выпученными глазами свежзамороженного минтая и забормотал:

– Извините, Лев Николаевич, я уже ухожу... я тут бумаги собирал... меня уже нет... я уже ушел...

– Вон! – заорал на него шеф.

Антон как ветром сдуло.

Лев Николаевич выдохнул, мысленно сосчитал до десяти, взял кейс и покинул кабинет.

Секретарша проводила начальника преданным взглядом, но как только дверь за ним захлопнулась, ее лицо изменилось. Вместо преданности и трогательной беспомощности на нем проступила расчетливая неприязнь. Виктория сняла трубку местного телефона и, услышав знакомый голос, проговорила:

– Антон Сергеевич? Ну как я справилась со своей ролью? Блестяще? Ну, теперь очередь за вами!

Повесив трубку, она потянулась, как сытая кошка.

Все-таки мужчины удивительно примитивны, и вертеть ими не представляет никакого труда! Не один, так другой, не другой, так третий, но она непременно добьется своего!

Катерина Дронова неторопливо шла по тротуару, наслаждаясь первым по-настоящему теплым днем. Апрель в этом году выдался холодным, до самой середины месяца случались неожиданные снегопады, и только к двадцатому числу потеплело и подсох асфальт.

Навстречу Кате шел какой-то странный человек. Он размахивал руками и что-то невразумительно бормотал. Катя попыталась обойти его, но странный тип заступил ей дорогу и громко забубнил, как закипающий чайник.

– Не понимаю. – Доброжелательная Катерина честно пыталась вслушаться в это бормотание, пыталась понять, на каком языке он говорит, – не английский, это точно... не французский... да нет, просто бессмыслица какая-то!

Незнакомец еще активнее замахал руками, выпучил глаза, возмущаясь Катиной непонятливостью, ухватил ее за руку, безуспешно пытаясь что-то ей объяснить...

«Да он глухонемой! – догадалась наконец Катерина. – Или просто немой... интересно, он по губам читать умеет?»

– Напишите на бумажке, что вам нужно, – предложила она и для верности изобразила рукой движения пишущего человека.

Незнакомец бурно обрадовался, закивал и забормотал еще непонятнее. Потом он вдруг показал пальцем на что-то у Кати за спиной.

Катерина неторопливо оглянулась.

К ним на большой скорости приближался мотоциклист в черной кожаной куртке и блестящем, тоже черном шлеме, закрывающем всю голову, отчего его владелец делался похожим на взбесившегося инопланетянина.

– В чем дело? – хотела спросить удивленная Катерина глухонемого, но в это время мотоциклист поравнялся с ней, сдернул с Катиного плеча сумку и умчался в светлую даль, напоследок издевательски рыкнув мотором.

– Ой! – вскрикнула Катерина, провожая похитителя растерянным взглядом. – Что же это творится? Прямо среди белого дня, почти в центре города...

Она повернулась к глухонемому, чтобы призвать его в свидетели происшествия, но того и след простыл.

Только теперь до нее дошло, что глухонемой наверняка был в сговоре с мотоциклистом, он отвлекал Катю своим бормотанием, да скорее всего никакой он не глухонемой, а самый обыкновенный жулик...

Она представила, как начнут стыдить ее подруги – Жанна и Ирина – если рассказать им эту историю.

«Сколько раз тебе говорили – не носи сумку на плече! – заявит Ирина. – В городе полно всякой шпаны, которая только и смотрит, где что плохо лежит!»

«И вообще ты вечно считаешь ворон! – непременно добавит Жанна. – В наше трудное время женщина должна быть собранной и настороженной, как солдат на поле боя, а ты расхаживаешь с таким видом, будто на лугу цветочки собираешь!»

Нет, ни в коем случае нельзя им рассказывать о сегодняшнем инциденте! Вместо сочувствия от них дождешься только упреков и поучений! Подруги называется!

Вспомнив про Жанну, Катерина охнула: ведь у них сегодня назначена встреча, они вместе собирались пойти на выставку в арт-кафе «У бездомной кошки». Причем до встречи оставалось совсем мало времени, а Катя отвлеклась, расслабившись на весеннем солнышке, и совсем забыла о договоренности... а тут еще сумку украли... надо срочно позвонить подруге и уточнить время...

Неожиданно Катино настроение улучшилось: она вспомнила, что, наученная горьким опытом, не положила свой мобильник в сумку, а повесила на шею, да еще спрятала его под одеждой. Кроме того, на всякий пожарный случай пришила изнутри к своей любимой куртке

болотного цвета потайной кармашек, в котором держала заготовку на случай таких, как сегодня, неприятных происшествий.

Радуюсь своей предусмотрительности, Катерина распахнула куртку, расстегнула верхние пуговицы блузки и полезла за декольте в поисках мобильного. Мимо нее проходил невзрачный дядечка средних лет. Увидев Катерины манипуляции, он испуганно моргнул, покраснел, как пожарная машина, и на всякий случай прибавил шаг.

Катерина проводила дядечку задумчивым взглядом, выловила телефон и набрала Жаннин номер. Руки тряслись от пережитого стресса, и она долго не попадала пальцем по нужным кнопкам.

Наконец она услышала гудки, а затем раздраженный и плохо различимый женский голос.

– Это я... – робко проговорила Катерина.

– Ну наконец-то! – хрюкнула трубка. – Сколько можно ждать!

– Да тут со мной... – начала Катя, но тут же прикусила язык: Жанна сразу начнет воспитывать...

– Некогда! – отрезала та. – Тебя давно уже ждут! Немедленно поезжай к «Стережущему»! Тебе передадут...

– Что передадут? К какому стережущему? – недоуменно переспросила Катерина, но трубка запищала и смолкла.

Катя устала на мобильник в недоумении. В самый неподходящий момент разрядилась батарейка.

Но что такое только что сказала ей Жанна? Кто ее ждет? Что ей должны передать? И куда она должна немедленно ехать? Ах да, к «Стережущему»!

Катерина сообразила, что подруга имела в виду памятник миноносцу «Стережущий», установленный в парке возле Каменноостровского проспекта. Но почему именно там, когда кафе вовсе даже на площади Искусств...

Жанна торопила ее, сказала, что ехать нужно немедленно...

Из-за угла выехала маршрутка. Подходящий номер, идет как раз на Петроградскую сторону. Катя залезла в потайной кармашек и облегченно вздохнула: деньги там были, хотя бы на дорогу хватит. Она призывно замахала подъезжающей маршрутке и втиснулась на свободное сиденье.

«Если Жанна сказала, что нужно ехать к «Стережущему», – размышляла Катя, – то нужно ехать, с ней лучше не спорить».

Подруга – очень занятая и деловая женщина, нотариус, все время у нее расписано по минутам. Она хорошо зарабатывает и многое успевает – следить за своим внешним видом, посещать фитнес-клуб и косметолога, то есть выглядеть ухоженной и довольной жизнью. Хотя нет, довольной жизнью выглядит как раз она, Катерина, а Жанка вечно всех критикует, поучает и воспитывает. Ее суждения бывают подчас излишне резки, так что Ирина, их третья подруга, не раз пыталась поставить Жанну на место. Но у Ирки это получается, а у нее, Кати, – нет. Не стоит и пытаться. Жанна, конечно, действует из самых лучших побуждений, она, говоря ее собственными словами, «пытается как-то упорядочить Катерину бестолковую жизнь». Но если на то пошло, Катя совсем не хочет что-то менять в своей жизни.

У нее есть все, что нужно человеку. Во-первых, любимая работа. Катя – художник, она занимается прикладным искусством – из кусочков ткани, кожи, меха, бисера и стекла она творит потрясающие панно! Да-да, именно так и было сказано в каталоге выставки, которая была в прошлом году. Выставка прошла с большим успехом, о Катином творчестве много писали в газетах, и даже один толстый журнал разразился приличной рецензией. Так что можно сказать, что Катя, как творческая личность, вполне состоялась.

Во-вторых, у Кати есть муж. То есть нет, пожалуй, муж – это во-первых. Муж у Кати замечательный – очень умный и увлеченный человек, профессор. Он изучает африканские

племена и много ездит по свету – на разные конференции и симпозиумы. Ездил он и в Африку, но с тех пор как провел там больше полутора лет, а собирался всего на три месяца, Катя больше его туда не пускает. А сейчас его пригласили на двухнедельный семинар в Копенгаген. Что ж, Дания – тихая, спокойная страна, ничего там с профессором не случится.

Катя привычно смахнула слезу – она плохо переносила разлуку с мужем.

Жанка же ехидно утверждает, что Катерина всех обманывает, что она только рада мужниным отлучкам, потому что тогда можно спокойно спать до полудня, а потом разложить свои цветные тряпочки и делать вид, что работаешь.

«Это неправда, – подумала Катя, – просто семейная жизнь отнимает много времени, не успею я углубиться в творческий процесс, как оказывается, что нужно готовить обед или идти в магазин или делать уборку...»

Вот Ирина ее понимает, она сама творческий человек, писательница. И очень хорошая, кстати. И хорошо было бы пойти на выставку с ней вместе, но Ирка категорически отказалась – заканчивает очередной роман и никуда не выходит. Так что пришлось идти с Жанной, а та зачем-то ее послала к памятнику «Стережущему».

Катя очнулась от раздумий и заметила, что сидящая напротив тетка очень неодобрительно на нее смотрит. Катя проследила за ее взглядом и заметила, что забыла застегнуть пуговицы на блузке. И теперь тетке и не только ей были видны розовый атласный бюстгальтер и мобильный телефон, который удобно лежал на груди – свисать ему было некуда.

«Если бы Жанка видела этот лифчик, она убила бы меня на месте, – с грустью подумала Катя, застегивая пуговицы, – я обещала выбросить его еще в позапрошлом году. Но что делать, если он такой удобный... В конце концов, главное – это личный комфорт!»

Она повеселела и встретила осуждающий теткин взгляд независимой улыбкой. Тетка отвернулась первая.

Через десять минут Катя высадилась на Каменноостровском.

Серая скала с памятником одиноко возвышалась посреди сквера.

Катерина не сразу заметила маячившего возле постамента мужчину.

Мужчина был незнакомый. Довольно солидный, хорошо одетый. Серые виски, брезгливое выражение лица. Он держал в руке, немного на отлете, черный плоский чемоданчик и то и дело посматривал на массивные золотые часы.

«Наверное, какой-нибудь Жанкин клиент, – подумала Катя, подходя к памятнику. – Что за привычка у нее – поручать подругам собственные дела! Как будто у меня своих забот мало!»

Мужчина увидел ее, шагнул навстречу, еще раз демонстративно взглянув на часы.

– Опаздываете! – проговорил он, протягивая Кате чемоданчик. – Вы же знаете, как важен фактор времени!

– А что... – начала Катя, ухватив кейс за ручку.

Она хотела спросить, что ей теперь делать с чемоданчиком, но мужчина круто развернулся, в несколько шагов пересек сквер, сел в припаркованную возле поребрика черную машину и укатил.

– Ну вот... – проговорила Катя, растерянно оглядываясь по сторонам. – И что мне теперь делать?

Чемоданчик был довольно тяжелый.

Вдруг под блузкой у Катерины истерично зазвонил мобильник. Наверное, он немного отдохнул, собрался с силами и решил еще немножко поработать.

Катерина вздохнула, привычным движением расстегнула блузку и вытащила телефон на свет божий.

– Ну и где, интересно, ты шляешься? – раздался в трубке голос Жанны. – Небось вообще забыла, что мы с тобой сегодня договорились пойти на выставку!

– Вот это здорово! – Обычно незлобивая Катерина задохнулась от праведного возмущения. – Я езжу по твоим делам, а ты мне еще и выговариваешь?

– По моим делам? – удивленно переспросила Жанна. – По каким еще делам? Катька, ты вообще где находишься?

– Я как раз сейчас у «Стерегающего», – прервала Катерину подруга. – Еще и этот твой клиент мне высказал недовольство... видите ли, я опоздала...

– Ну, ты же действительно всегда опаздываешь, – согласилась Жанна и тут же переспросила: – У какого еще стерегающего? Какой клиент? Катерина, у тебя что – температура?

– И вообще что мне теперь делать с этим кейсом?

– Ничего не понимаю! – Жанна секунду помолчала и продолжила несколько тише: – Ты мне можешь объяснить, что происходит?

– Нет, это ты мне объясни – что происходит! – Катерина, наоборот, повысила голос. – Ты мне звонишь... то есть это я тебе звоню, а ты мне велишь срочно ехать к памятнику «Стерегающему»...

– На Петроградской?

– Ну да! А что – есть еще один памятник? Я приехала, здесь какой-то тип смотрит на часы, отдает мне кейс и тут же уезжает... и после этого ты требуешь у меня объяснений?

– Катька, – проговорила Жанна после продолжительной паузы, – я тебя никуда не посылала.

– То есть как – не посылала?

– Я с тобой не разговаривала по телефону! Ты попала куда-то не туда! Катька, во что ты снова вляпалась?

– То есть как – не разговаривала? – Катя растерянно огляделась по сторонам. – Ты уверена?

– Абсолютно!

Обманчивое апрельское солнышко спряталось за тучу, и в сквере снова похолодало. Катя устала на чемоданчик.

– И что же мне теперь делать? – проговорила она еле слышно. Уголки губ опустились, как у театральной маски, символизирующей горе.

– Ты меня слышишь? – надрылась в трубке Жанна.

– Нет... то есть да... – выдавила Катя, поднеся трубку к уху.

– Неизвестно, что тебе подсунули! – горячилась Жанна. – Может быть, в этом кейсе наркотики! А может быть, бомба! Избавься от него как можно скорее!

– Да-да, конечно... – испуганно пискнула Катерина, оглядываясь по сторонам.

Неподалеку от нее стоял угрюмый человек с граблями. Вместо того чтобы скрести газон, очищая его от зимних наслоений, он очень подозрительно поглядывал на Катерину.

«Если поставить кейс около памятника и сбежать, – думала Катя, медленно отступая от памятника, – он наверняка подумает, что я террористка... что я хочу взорвать этого «Стерегающего»... догонит меня, вызовет милицию... и как я потом оправдаюсь? Вдруг в этом чемодане действительно бомба?»

Человек с граблями медленно двинулся в ее сторону.

«Ну почему мне так не везет? – подумала Катя, поспешно отступая. – Сначала сумку украли, теперь еще этот дурацкий кейс... Ну за что мне такие неприятности?»

Она отошла от памятника и пересекла сквер. На другой стороне Каменноостровского красовалась вывеска кафе. Решение пришло мгновенно: чашечка кофе и два-три пирожных – это то, что ей сейчас нужно, чтобы справиться со стрессом и заодно поразмыслить, что же делать с несчастным кейсом.

Кафе было полупустым. Официантка, крупная блондинка бальзаковского возраста, оживленно разговаривала с кем-то по мобильному телефону.

– А он? – восклицала она грудным голосом. – А она? У-ужас! А она? А он? Кошма-ар!

Катерина уселась за угловой столик и поставила злополучный кейс возле ног. Потом вытащила свою заначку из потайного кармана и пересчитала под столом. Подсчеты не то чтобы сильно порадовали, но и не разочаровали.

За стойкой бара стоял включенный телевизор, по которому передавали городские новости.

– Поступила дополнительная информация по поводу аварии в городском метрополитене, – тараторила молоденькая дикторша. – В результате повреждения рельсов приостановлено движение на московско-петроградской линии. Один поезд застрял на перегоне между станциями «Сенная площадь» и «Технологический институт». В нашей студии находится сотрудник управления метрополитена Иван Иванович Петровский...

Камера сместилась, показав мрачного мужчину с обвислыми щеками, в темно-синем, хорошо отглаженном костюме.

– Иван Иванович, – прошептала дикторша, – что вы можете сообщить нашим зрителям по поводу этой аварии? Каковы ее причины? Когда будет восстановлено движение?

Представитель метрополитена нервно сглотнул, покосился на дикторшу и проговорил голосом старательного ученика, отвечающего хорошо выученный урок:

– По моим данным, авария уже устранена, движение будет восстановлено в ближайшее время. Жертв нет.

– А какова судьба пассажиров того поезда, который застрял на перегоне?

– По моим данным, – с той же заученной интонацией ответил сотрудник метрополитена, – пассажиры этого поезда в ближайшее время будут доставлены на станцию «Технологический институт». Среди них жертв тоже нет.

– Спасибо, Иван Иванович! – пропела дикторша жизнерадостным пионерским голосом. – А теперь новости из зоопарка! В семье жирафов снова прибавление!

Официантка с сожалением закончила волнующий разговор и подошла к посетительнице.

Неожиданно у Кати возникло то неприятное чувство, которое бывает, когда кто-то смотрит в затылок.

Она обернулась.

За спиной у нее было окно кафе, и за этим окном стоял очень странный человек. Он был весь какой-то потертый, помятый, обвислые, как у бульдога, щеки покрывала трехдневная щетина, но не это было самым неприятным в его внешности. Глаза незнакомца смотрели в разные стороны и даже с разным выражением, как будто это были два независимых и враждебных друг другу существа. Один глаз странного человека смотрел на припаркованные неподалеку машины, а второй с неприязненным любопытством наблюдал за Катериной.

Заметив, что она повернулась, незнакомец криво усмехнулся и неторопливо отошел от окна.

– Будем что-нибудь заказывать? – прервала официантка Катины наблюдения.

– Будем. – Катерина решительно потянулась к меню. – Пирожные у вас какие есть?

– Вам с кремом или диетические? – осведомилась официантка.

– А диетические – это как?

– Диетические – это диетические. На фруктозе и без крема.

Катя тяжело вздохнула. Диетические пирожные – это то же самое, что безалкогольная водка. Она решила, что подруги ничего не узнают, и заказала «Наполеон».

Катерина не стремилась похудеть. Она искренне считала, что хорошего человека должно быть много, и не сомневалась, что большинство мужчин предпочитают полных женщин. Но вредные подруги постоянно пилили ее и призывали к здоровому образу жизни. Но как же тогда снимать стресс? Этого Катя решительно не понимала.

Через полчаса, когда она допила маленькую чашечку кофе и прикончила третье пирожное (или, кажется, четвертое), на душе у нее стало гораздо легче. Все сегодняшние неприятности куда-то отступили и забылись. Жизнь снова была прекрасна и удивительна. Катерина расплатилась, поднялась из-за столика и уверенной походкой направилась к дверям.

– Женщина! – окликнула ее официантка. – Вы свой чемоданчик забыли!

Катя помрачнела: она действительно напрочь забыла об этом чертовом чемоданчике.

С тяжелым вздохом она вернулась за кейсом и наконец покинула гостеприимное кафе.

Выйдя на улицу, она первым делом увидела того потертого мужчину, который заглядывал в окно.

Он стоял перед витриной соседнего обувного магазина, засунув руки в карманы едва ли не траченного молью плаща, и делал вид, что изучает женские босоножки со стразами.

«Наверняка маньяк, – опасливо подумала Катерина. – Вылитый Чикатило! И явно меня поджидает!»

Тут ее взгляд упал на уличные часы, и она вскрикнула: за кофе с пирожными она совсем забыла о Жанне и выставке!

Маньяк тут же вылетел у нее из головы: рассерженная Жанна страшнее любого Чикатило, а в том, что она раскалена до предела, можно не сомневаться.

В это время на Каменноостровском показалась маршрутка. Катя радостно взвизгнула, замахала руками и бросилась ей наперерез. Боковым зрением она заметила какое-то движение справа по курсу, но не обратила на него внимания. Только подбегая к затормозившей маршрутке, она увидела, что потертый тип бросил свое увлекательное занятие и устремился в том же направлении, что и она, – то ли пытаясь остановить Катерину, то ли рассчитывая сесть в ту же маршрутку. Траектории Кати и незнакомца пересеклись.

Катерина попыталась притормозить, но она набрала слишком большую скорость, да и ее избыточный вес сыграл свою роль. Короче, она налетела на мужчину и отбросила его с дороги, как скорый поезд отбрасывает пушинку. Незнакомец отлетел в сторону и забормотал что-то нечленораздельное. Катя не стала прислушиваться, она нырнула в маршрутку и захлопнула за собой дверь.

– Поезжайте скорее! – кинула она водителю, протягивая ему деньги. – Этот тип меня преследует!

– Конечно, дорогая! – с сильным кавказским акцентом отозвался водитель, срывая машину с места. – Только я его очень понимаю: такая красивая женщина – и одна!

«Точно, худеть надо! – с грустью подумала Катерина. – А то мне скоро водители маршруток и ларечники проходу давать не будут!»

Маршрутка переехала мост, миновала Летний сад, Инженерный замок, свернула направо.

– Остановитесь на следующем светофоре! – попросила Катерина.

– Конечно, дорогая! – Водитель притормозил и бросил ей вслед: – Телефон дай!

– Разбежался! – беззлобно отозвалась Катя и устремила к цели своей поездки.

Известное арт-кафе «У бездомной кошки» располагалось в большом сводчатом подвале в самом что ни на есть историческом центре города – в двух шагах от Большого зала филармонии, рядом с Русским музеем и тремя театрами. По причине такого удачного расположения выставки и вечера, проходившие в этом подвальчике, пользовались большой популярностью среди художественной интеллигенции.

Обычно перед входом толпились какие-то творческие личности, легко опознаваемые по кудлатым бородам и художественному беспорядку в одежде. Но сейчас перед входом и на ступеньках подвальчика было совершенно пусто, если не считать той самой бездомной кошки,

которая дала имя этому популярному заведению. Да и эта кошка была какой-то странной – она стояла совершенно неподвижно, выгнув спину верблюдом и задрав облезлый хвост.

Присмотревшись к кошке, Катерина поняла, что она не живая, а отлита из бронзы.

Дверь «Бездомной кошки» была заперта, и открыли ее только после робкого Катиного стука.

– У нас сегодня спецмероприятие, – сказал широкоплечий молодой человек с оловянными глазами, неприязненно окинув Катерину с головы до ног.

– А я как раз туда! – радостно сообщила она. – У меня и приглашение есть!

Поскольку в глазах стража дверей металла не убавилось, к тому же он слишком недоверчиво смотрел на ее куртку, Катя поставила чемоданчик на пол и стала рыться в карманах, подумав, что подруги ее ругают за то, что вечно все таскает в карманах, а вот ведь если бы приглашение было в сумке, его бы украли. И ключи. И мобильный телефон. А так все нужные вещи на месте.

Но для того чтобы все помещалось в карманах, нужно иметь большие карманы. Они, конечно, отвисают, и вид у куртки такой неприглядный... Это говорила Ирина, а Жанна, которая все вещи называла своими именами, прямо заявляла, что у Катерины вид в этой куртке цвета болотной жижи как у бомжихи. И что еще немного, и ей начнут подавать на бедность, запросто можно встать в людном месте и тянуть: «Поможите люди добрые, мы люди немецкие, хата сгорела-а!»

И Катя хотела на встречу с Жанной надеть пальто и красивый шарф. Но отвлеклась, разбирая свои лоскутки, а когда спохватилась, то времени на сборы уже не осталось, пришлось натянуть что под руку попало, это и была любимая куртка.

Приглашение нашлось быстро, и молодой человек посторонился, пропуская Катю, но лицом не потеплел.

– Со мной еще подруга, она не приходила? – тараторила Катя, на ходу снимая куртку. – Такая женщина яркая, экстравагантная...

– Как вы? – Молодой человек позволил себе некоторый сарказм в голосе.

– Что вы! – Катерина никакого сарказма не услышала. – Гораздо интереснее!

– Ну-ну, – фыркнул парень и отвернулся, а Катя в это время сбросила куртку ему на руки.

То есть ей так показалось, потому что куртка свалилась на пол с оглушительным звоном – как уже говорилось, в карманах были ключи и еще много нужных вещей. Катерина обернулась и увидела, что молодой человек стоит, опустив руки по швам и глядя в сторону плаката, который извещал посетителей арт-кафе о том, что сегодня, двадцать третьего апреля, состоится открытие художественной выставки «Истинно материальное искусство».

– Ну хотя бы гардероб-то у вас есть? – упавшим голосом спросила Катя.

– Влево по коридору, – невозмутимо ответил он, глаза по-прежнему напоминали оловянные пуговицы.

Катя подхватила вещи и пошла по темному узкому коридорчику, который заканчивался тремя вешалками.

«Наверное, Жанна не дождалась меня и ушла, – печально думала она, – и теперь обиделась, и будет ругаться. Внутри ее не пустил этот, с оловянными глазами, приглашение-то у меня. Ой, как нехорошо получилось...»

Приглашение на открытие выставки Катерине буквально всучил силой старый приятель еще по Академии художеств, Гриша Четверкин. Он позвонил накануне и долго упрашивал Катю пойти вместо него.

– А сам-то... – слабо сопротивлялась Катя.

– Да, понимаешь, у меня халтура срочная, никак нельзя отказаться, – туманно отговаривался Гриша, – а ты сходи, ознакомься. Там все прикладное, тебе как раз по теме. Опять же проветришься, а то все дома сидишь, нигде не бываешь...

– И то верно, – согласилась Катя, – у меня как раз муж в командировке...

– Ну вот видишь, значит, время свободное есть! – заметно повеселел Гришка и поскорее отключился, сказав, что попросит сына завезти Катерине приглашение сегодня же поздно вечером и бросить в почтовый ящик.

Возле вешалок никого не было видно, и Катя отважилась вполголоса спросить:

– Есть здесь кто-нибудь? Ау-у!

Поскольку никто не появился, пришлось повторить громче, и только после третьего вопля явилась наконец тетка в синем сатиновом халате и взяла Катину куртку.

– Мероприятие уж скоро кончится, – бубнила она, обтирая губы и стряхивая крошки с халата, – а они все идут. Время же указано, а они будто читать не умеют...

– Вот еще чемоданчик, пожалуйста, возьмите... – униженно попросила Катя, – уж будьте так добры...

– Да вы что? – Тетка возмущенно засопела. – Да где это видано? Еще сопрет кто – а мне отвечай!

– Так одежду ведь тоже спереть могут! – возразила Катя.

– Эту? – Тетка так выразительно посмотрела на злосчастную куртку, что Катерина решила, что выбросит ее сразу же по приходе домой – на радость Жанне. – Ладно, – неожиданно сказала тетка и убрала кейс под вешалку, – но в случае чего – с меня никакого спроса!

Катя сердечно поблагодарила ее и пожелала про себя, чтобы кейс непременно кто-нибудь украл, – тогда ей не надо будет думать, как от него избавиться.

Она прошла длинным полутемным коридором, по бокам которого были расставлены многочисленные кошки. Кошки представляли собой часть постоянного оформления кафе, оправдывая его название. Были они самые разные – отлитые из бронзы и кованные из железа, вылепленные из гипса и глины, составленные из деталей детского конструктора и сшитые из лоскутков. Лоскутная кошка вызвала у Катерины самый живой интерес, поскольку она сама творила свои высокохудожественные панно из такого же материала.

Из самого темного угла сверкали ярко-зеленые глаза. В первый момент Катерина подумала, что оттуда выглядывает настоящая живая кошка, но, подойдя ближе, она убедилась, что это – очередное изделие скульптора, которому вместо глаз вставили две зеленые лампочки от старого радиоприемника.

Коридор закончился, и Катя оказалась в первом из просторных подвалов, где размещалась сегодняшняя выставка.

Мероприятие было в самом разгаре. Это было видно по тому, что все присутствующие разбились уже на маленькие группки по три-четыре человека и разговаривали чрезвычайно громко, стараясь перекричать друг друга. Большинство посетителей выставки явно были чересчур оживлены – глаза у них блестели, как у той кошки в темном углу, жесты были слишком размашистыми, а голоса излишне громкими.

Причину этого оживления Катя поняла, увидев в сторонке стол, на котором красовались несколько початых бутылок водки, одноразовые стаканчики и почти нетронутая тарелка с бутербродами.

Катя вспомнила, как пару раз оказывалась на фуршетах за рубежом. Тамошняя публика в два счета расправлялась с закусками, а выпивка, как правило, оставалась. Наша же творческая интеллигенция (и не только она) быстро разделяется с выпивкой, а закуска может остаться почти нетронутой. По этому поводу есть даже две популярные присказки: «Мы сюда не жрать пришли» и «Когда заканчивается водка, закуска становится просто едой».

Однако сегодня отношение к закуске было подозрительно прохладным, и Катя заподозрила, что бутерброды оказались несвежими.

Кроме вышеупомянутого стола, в помещении имелось еще несколько столов, столиков и подставок, на которых, как в первый момент показалось Кате, тоже размещалась закуска. Правда, закуска эта была какая-то странная, кроме того, ее было чересчур много.

Только внимательно приглядевшись, Катя поняла, что то, что она приняла за закуску, на самом деле и было экспонатами выставки. Причем эти экспонаты отчетливо разделялись на три группы, явно выполненные в различной художественной манере.

Часть произведений была изготовлена из овощей. Это были человеческие фигуры и изображения животных, составленные из вареных картофелин, крупных морковок и свежих огурцов. Попадались также отдельные помидоры и баклажаны.

Вторая группа экспонатов была создана из хлеба и разнообразной выпечки. Несколько вполне реалистических скульптур, вылепленных из хлебного мякиша, замечательная композиция, составленная из круассанов и булочек для гамбургеров, абстрактная конструкция из бубликов и баранок. Особенно привлек Катю внимание симпатичный крокодил, изготовленный из длинного батона, с разинутой пастью и маленькими изюмными глазками.

Третья часть выставки представляла собой произведения из сосисок, сарделек и копченой колбасы. Некоторые скульптуры показались Кате просто неприличными.

Она огляделась по сторонам в поисках кого-нибудь знакомого, с кем можно было бы обсудить выставку, но ни одного знакомого лица ей на глаза не попадалось. Вообще присутствующие делились на две очень четко различаемые группы: это были или художники – с богемным видом, кудлатыми бородами, в драных свитерах и поношенных джинсах, – или галерейщики в дорогих костюмах, с великосветскими манерами и стрижками от модных парикмахеров.

Наконец Катя заметила в дальнем углу знакомого художника и двинулась к нему через толпу, но тут ее ухватил за локоть бородатый тип с горящими глазами и крупной бородавкой на носу.

– Привет, подруга боевая! – воскликнул он нараспев. – Ну как тебе наш славный труд?

– Вы что – один из участников выставки? – догадалась Катерина, пытаясь высвободить локоть.

– Догадлива же ты, подруга! – пропел художник, еще крепче вцепившись в круглый Катин локоть. – Леонтий Хвощ зовут меня!

Катя вспомнила программу выставки. Там среди троих участников действительно упоминался некто Леонтий Хвощ. Его раздел выставки был озаглавлен «Хлеб – всему голова».

– Это вы из хлебобулочных изделий свои произведения создаете? – догадалась Катерина.

– Да, это так! Творю из хлеба искусство скорбное свое! – воскликнул Леонтий с театральным пафосом. – Хлеб – наше все! Лишь им мы живы! На нем культура вся стоит!

– А что это вы все стихами выражаетесь? – поинтересовалась Катя. – Это что – тоже элемент вашего творческого метода?

– Стихами я не выражаюсь, – обиженно ответил ей Хвощ. – Я по-простому говорю! Культура вышла из народа, она понятной быть должна! – Впрочем, лицо его тут же посветлело, обида исчезла, и он жизнерадостно предложил: – Давай с тобой выпьем водки, она ж из хлеба создана!

– Водки? – Катя поморщилась. – Я вообще-то водку не очень... может быть, лучше шампанского?

– Предмет культуры буржуазной сие шампанское вино! – строго провозгласил Леонтий. При этом он выразительно поднял палец и необдуманно выпустил Катину руку. Катерина не замедлила воспользоваться этим и вырвалась на свободу.

Юркнув в толпу, она тут же наткнулась на знакомого художника Севу Вострикова.

– Севка, привет! – радостно воскликнула она. – Ты сейчас что – в активной стадии?

Все знакомые Вострикова знали, что он попеременно находится то в запое, то в завязке. Запой сам Сева называл «периодами пассивного творчества» и утверждал, что в эти периоды

он накапливает творческую энергию. Когда же запой прекращался, он создавал свои энергичные и выразительные холсты, поэтому это называлось «стадией активного творчества».

– В активной, в активной! – подтвердил Востриков. – В самой что ни на есть активной! – Затем он странно облизнулся и добавил: – Вовремя ты, Катерина, пришла, сейчас как раз это... ППИ начнется.

– Что начнется? – удивленно переспросила Катерина.

– Тундра ты, Катерина! – усмехнулся Востриков. – Таких элементарных вещей не знаешь! Все западные теоретики говорят, что мы живем в эпоху ППИ – Показного Потребления Искусства! Вот сейчас оно и начнется, причем в полный рост!

– Показное – что? – Катя захлопала длинными белесыми ресницами.

– Потребление искусства! – повторил Сева. – Этот... как его... преферанс. То есть перформанс. Я сегодня как раз пообедать не успел. – Он снова облизнулся.

– Перформанс? – заинтересовалась Катя, это умное слово она знала. – А в чем он будет заключаться?

– Ты что, мать, не знаешь? – уставился на нее Востриков. – Это ведь их главная творческая идея! Искусство, значит, должно быть полностью употреблено. Чтобы, значит, его до конца понять, надобно его употребить. Или полностью усвоить. Поэтому они и творят из съедобных материалов. А то как же ты употребишь, допустим, гипсовую статую? Или там холст? Я уж не говорю про бронзу или мрамор! Или про металлические конструкции, из которых некоторые создают свои, с позволения сказать, шедевры!

До Кати наконец начал доходить смысл Севиных слов.

– Так что – все эти произведения сейчас съедят? – искренне ужаснулась она.

– А то! – подтвердил Сева, приближаясь к ближайшей колбасной композиции. – Мировая закуска! Я же говорю – пообедать сегодня толком не успел, так что я у них буду этот... идеальный потребитель подлинного искусства!

– То-то никто из присутствующих бутербродами не интересуется! – догадалась Катя.

– Конечно! Все аппетит для перформанса берегут!

– А ты уверен, что это искусство... гм... свежее? – осведомилась Катерина, принохиваясь. – Ну ладно там овощи, хлеб тоже – самое большее зачерствеет, а колбаса и сосиски... неизвестно, когда они эти шедевры создавали!

– Не дрейфь, Катерина! – отмахнулся Востриков. – Сегодня с утра и создавали, из самого свежего материала! У них с колбасной фабрикой постоянный договор!

– А как же насчет того, что всегда считали – жизнь коротка, а искусство вечно?

– Устаревший подход! – поморщился Сева. – Подлинное искусство должно быть мимолетно и эфемерно! Долгим должно быть ощущение от его восприятия! Так сказать, послевкусие!

– А, ну тогда от несвежих сосисок ощущение будет гораздо дольше! – догадалась Катерина.

– А ведь ты права! – поддержал ее Сева. – Надо мужикам эту мысль подкинуть! Свежая, так сказать, художественная мысль – творить из несвежих продуктов!

Один из участников выставки выступил вперед, прокашлялся и хорошо поставленным голосом объявил:

– А сейчас, господа, все мы станем участниками перформанса под наименованием «Коллективное потребление искусства». Прошу к столу... то есть к стенду!

Публика оживилась и бросилась к выставочным стендам. При этом вечно голодные художники отеснили галерейщиков и первыми накинудись на съедобные произведения.

Сева тоже, забыв про Катерину, прорвался к столу с колбасно-сосисочной композицией и вонзил в нее крупные, желтоватые от никотина зубы.

Катя, несколько шокированная подобным потребительским отношением к искусству, осталась в стороне от перформанса. Хотя она всегда отличалась отменным аппетитом, но то, как дорвавшиеся до искусства оголодавшие художники с чавканьем и хрустом поедали произведения своих коллег, вызвало у нее не самые приятные ощущения.

Она огляделась по сторонам и скрылась за дверью с понятной каждому табличкой.

Туалет в «Бездомной кошке» тоже был оформлен на высоком художественном уровне. Фаянсовый унитаз был установлен на высоком постаменте, как королевский трон, и расписан изображениями кошек, прячущихся среди густой травы и весенних цветов. Раковина была медная, со следами патины, говорящими о ее солидном возрасте. Над ней был укреплен кран, тоже медный, старинный и очень неудобный, зато чрезвычайно стильный. Но самым замечательным предметом в этом помещении являлся занимавший весь угол глиняный ночной горшок, размерами напоминающий котел полковой кухни. Этим горшком мог бы воспользоваться по прямому назначению слон средней величины, однако строгая надпись по окружности предупреждала, что предназначен он только для персонала.

Разумеется, было здесь и несколько кошек: пара скромненьких фарфоровых, одна побольше, вылепленная из грубой необожженной глины, и еще одна – из обрезков разноцветного ситца.

Катя так увлеклась изучением туалетного убранства, что не заметила, как пролетело чуть не полчаса. Только тогда она спохватилась, что это заведение – общественное и кто-нибудь наверняка дожидается снаружи, когда оно наконец освободится.

Она подошла к двери, дернула за ручку...

Дверь не поддавалась.

– Ой! – негромко проговорила Катя, обращаясь, по-видимому, к самой себе. – Как же это?

Замок непонятным образом защелкнулся, и злополучная дверь не открывалась.

Катя еще раз попробовала повернуть ручку, подергала защелку – все было бесполезно. Дверь закрылась намертво.

– Эй! – Катя прижалась к двери и негромко окликнула того, кто мог находиться по другую сторону. – Эй, тут кто-нибудь есть? У меня дверь не открывается! Попробуйте снаружи!

Понятно, что если дверь не открывается изнутри – снаружи она тем более не откроется, но Катя надеялась, что позовут кого-нибудь из обслуживающего персонала, кто справится со злополучным замком.

Однако на ее призыв никто не откликнулся.

Из этого можно было сделать два вывода: либо Катя звала на помощь недостаточно громко, либо за дверью никого не было.

Катерина решила выбрать первый, более оптимистичный, вариант и крикнула погромче:

– Эй, кто-нибудь!

Никто по-прежнему не отзывался.

Катерина закричала уже в полный голос, хотя испытывала при этом некоторую неловкость: со стороны ее поведение, наверное, выглядело очень глупо.

Но и после этого из-за двери не донеслось ни звука.

«Права Жанка, – подумала Катя в порыве самокритики. – Я действительно вечно влипаю в какие-то глупые истории!»

Тут она вспомнила про странный чемоданчик, и настроение ее от этого не улучшилось.

Катерина обошла место своего заключения. Теперь это помещение не казалось ей стильным и оригинальным: оно было тесным, полутемным и неудобным, а все медные и глиняные прибабасы не придавали ни на грош комфорта.

«Неужели все уже ушли, и мне придется провести здесь всю ночь?» – в ужасе подумала Катя.

Она уселась на краешек громадного глиняного горшка, подперла подбородок кулаком, как роденовский мыслитель, и горестно вздохнула.

Ей совершенно не улыбалась перспектива спать на холодном полу, выложенном креативной керамической плиткой. После такого ночлега воспаление легких гарантировано. А самое главное – она вдруг безумно захотела есть.

Последнее, что было у нее во рту, – несколько пирожных, съеденных в кафе на Петроградской стороне. Пирожные, конечно, были очень вкусные, Катя даже облизнулась при этом приятном воспоминании, но они были маленькие, и самое главное – это было уже очень давно! А впереди ее ожидала целая голодная ночь!

Она с грустью вспомнила, как совсем недавно отказалась участвовать в «потреблении искусства». Как же она была легкомысленна! Надо было съесть хоть парочку произведений истинного искусства, что-нибудь такое колбасное... или хотя бы булочного крокодила... да и от овощной композиции она бы сейчас не отказалась...

Катин рот наполнился обильной слюной. Кажется, она бы сейчас съела не только булочного крокодила, но даже самого настоящего, живого и зубастого.

Она встала: вынужденное бездействие угнетало ее и удваивало муки голода.

Только сейчас Катя заметила, что под потолком в самом углу туалета есть крошечное окошечко, сделанное на уровне тротуара. Она с трудом подтащила к этому окошку огромный глиняный горшок, вскарабкалась на него и попыталась выглянуть в окошко. Как раз в это время мимо неторопливо проходили двое людей, Катя разглядела мужские ботинки и изящные женские туфли-лодочки. Ботинки были нечищенные, что, конечно, плохо характеризовало ее владельца, однако Катя не стала привередничать, она постучала в стекло костяшками пальцев и крикнула сколько было сил:

– Эй! Помогите! Мне не выйти!

Однако парочка никак не отреагировала на ее призыв: не прибавляя шагу, мужчина и женщина неспешно удалились в сторону Екатерининского канала.

Через несколько минут возле окна появилась еще одна пара обуви: мужские полуботинки на удивительно толстой подошве. Скорее, это была даже не подошва, а самая настоящая платформа. Хотя мужская обувь на платформе вышла из моды давным-давно, еще во времена Катиного розового детства.

«Наверное, этот мужчина очень маленького роста, – подумала Катерина. – И носит обувь на платформе, чтобы казаться немного выше».

Этот незнакомец был не только мал ростом, он еще и заметно прихрамывал. Однако Катю все его недостатки нисколько не смущали, лишь бы он пришел на помощь.

– Помогите! – завопила она что было сил. – Вытащите меня отсюда! Моя благодарность будет безграничной!

Однако ее благодарность никого не интересовала, а скорее всего ее просто не было слышно. Низкорослый незнакомец, безбожно прихрамывая, удалился.

– Да, хорошо строили эти дома! – вздохнула Катя. – Звукоизоляция просто потрясающая!

Она еще какое-то время проторчала у окна, но больше никто не появился в поле ее зрения.

Стоять на глиняном горшке было очень неудобно и утомительно. Катерина тяжело вздохнула, слезла на пол и еще раз обошла свою одиночную камеру.

«Хоть санузел есть, – подумала она с горечью. – Впрочем, только санузел и имеется...»

Она представила себе объявление в газете: «Сдается однокомнатная квартира, состоящая из туалета. Других помещений не имеется».

Решив, что чувство юмора ей пока еще не изменило, а значит, все не так уж плохо, Катя снова подошла к двери, собираясь еще раз, без большой надежды на успех, позвать кого-нибудь на помощь.

Однако на этот раз стоило ей взяться за дверную ручку, как та свободно повернулась, и дверь туалета с негромким скрипом открылась.

Давно уже ни один звук не доставлял Кате такого удовольствия, как этот довольно неприятный скрип несмазанной двери.

Катя не стала раздумывать о столь непонятном поведении дверного запора.

Она выскочила из заточения радостно, как птица из клетки, и устремилась в то помещение, где недавно проходили выставка и завершающий ее гастрономический перформанс.

Комната была пуста.

Вернисаж давно уже завершился, и все экспонаты выставки были безжалостно съедены.

Катя с сожалением огляделась и увидела на одном из столов случайно уцелевшую фигурку из булочек и круассанов. Это был просто подарок судьбы! Катерина отбросила все свои недавние сомнения и вгрызлась в статуэтку.

Булочки оказались свежими.

Неожиданно из угла донесся странный звук – нечто среднее между скрипом несмазанного колеса и призывным кличем перелетных гусей. Катерина вздрогнула, но любопытство взяло в ней верх над испугом, и она двинулась к источнику звука. Приглядевшись, она разглядела на полу под скамьей уютно свернувшуюся человеческую фигуру. При более внимательном ознакомлении Катя убедилась, что это не кто иной, как Сева Востриков. Он спал под скамейкой, время от времени оглушительно всхрапывая.

«Видать, перешел Сева в пассивную стадию! – сообщила Катерина. – Не выдержала ранимая душа художника, запил по-черному!»

В первый момент Катя думала вытащить Вострикова из-под скамейки и отправить домой на такси, но потом трезво оценила свои скромные силы, Севины внушительные габариты, а также скверный характер нынешней жены Вострикова, вспомнила, кстати, об отсутствии денег и решила не связываться.

Она проследовала к выходу из «Бездомной кошки», где столкнулась нос к носу с давешней гардеробщицей. Тетка стояла, уперев руки в боки, и готова была испепелить Катерину взглядом.

– Я что, по-вашему, ночевать тут должна? – завопила она, как только Катерина оказалась в зоне досягаемости. – Мне за это денег не плотют! Мероприятие уже давно кончилось, а эти все не идут за своими вещами! Добро бы хоть вещи были стоящие, а то... тьфу! Смотреть противно!

С этими словами она швырнула на прилавок Катину многострадальную куртку.

– Лучше бы замок в сортире починили, чем на людей вопить! – буркнула Катя, надевая куртку.

– И чемодан свой забирай! – рывкнула гардеробщица, выставляя чемоданчик. – А то потом скажешь, что Дарья Пална твой чемоданчик прихватила! А он мне нужен, как кошке мотороллер!

– Спасибо, – пробормотала Катя и выкатилась за дверь.

Только там она перевела дыхание, застегнула куртку (к вечеру стало довольно прохладно) и подумала, до чего же противные тетки бывают на свете.

И еще она подумала, что так и не смогла отделаться от злополучного чемоданчика.

При этой мысли Катерина с неприязнью взглянула на кейс... и оторопела.

Это был совсем не тот чемоданчик, который ей всучил неизвестный возле памятника «Стерегающему»! Тот был черный, хорошей кожи, очень элегантный – под стать своему владельцу. Кроме того, он был довольно тяжелый.

Этот же кейс – если к нему вообще можно применить такое красивое, можно даже сказать, гламурное иностранное слово – был потертым, потрепанным жизнью дешевым кожаным чемоданчиком. Кроме того, он был значительно легче первого.

Катя расстроилась: как она сразу не заметила подмену! Ну, допустим, качество чемоданчика можно не сразу оценить в полутьме подвала, но уж его вес...

Она вернулась к двери «Бездомной кошки», подергала за ручку...

Дверь была заперта.

Она постучала – без результата.

Впрочем, очень громко стучать Катя не стала, представив, как на нее набросится злобная гардеробщица.

Катя вздохнула, пригорюнилась и медленно побрела в сторону Невского проспекта.

Однако далеко уйти она не успела.

Навстречу ей, слегка покачиваясь, двигался бородатый тип с горящими глазами. Приглядевшись, Катерина увидела крупную бородавку на носу и узнала героя сегодняшней выставки, мастера хлебных композиций Леонтия Хвоща.

Леонтий перегородил ей дорогу и радостно взвыл:

– Привет, случайная подруга! Тебя-то я и поджидал!

– Ты чего, Леня, перебрал? – миролюбиво проговорила Катя. – Какая я тебе подруга? Шел бы ты домой! Тебя там жена дожидается! Знаешь, который час?

– Не говори мне о супруге, ее я видеть не хочу! Груба она и недостойна святого имени жены! – продекламировал Хвощ и попытался ухватить Катю поперек талии. Это оказалось непросто, и пока подвыпивший художник отыскивал ее талию, Катерина ловко вывернулась и прорвалась на свободу. Леонтий Хвощ развел руками и проводил несостоявшуюся подругу полным разочарования взглядом.

Катя прибавила шаг, свернула за угол и уже увидела впереди огни Невского проспекта... как вдруг из темной подворотни выскочили двое весьма подозрительных людей.

Они перегородили ей дорогу и с угрожающим видом принялись теснить Катю к подворотне.

Одного из них Катерина тут же узнала: обвислые, как у бульдога, щеки, покрытые трехдневной щетиной, потертый плащ и глаза, глядящие в разные стороны – один на вас, а другой – в Арзамас. Несомненно, это был тот самый тип, который караулил ее возле кафе на Петроградской стороне...

Второй незнакомец был тощий, маленького роста и весь какой-то дерганый. Кроме того, он заметно прихрамывал.

– Ты, это, куда торопишься? – протянул небритый тип, одним глазом глядя на Катю, а вторым – на памятник Пушкину в глубине сквера. – Ты, это, не торопись, поговорить надо!

Катя решила, что обращается он все же к ней, а не к «солнцу русской поэзии».

Тем более что, произнося эти слова, бандит попытался вцепиться в Катину плечо.

– Еще чего! – воскликнула Катерина, размахивая чемоданчиком и крутя головой в поисках подмоги. – Не о чем нам разговаривать!

– Очень даже есть о чем! – выкрикнул второй злоумышленник, схватился за чемоданчик и дернул его на себя.

Катя попыталась удержать злополучный кейс и на какое-то время выпустила из поля зрения разноглазого злодея. Тот воспользовался ее минутной растерянностью и ударил Катерину по голове. Она потеряла равновесие и шлепнулась на асфальт, выпустив из рук чемоданчик. Перед ее глазами оказались ноги маленького грабителя, обутые в коричневые ботинки на невероятной толстой подошве, скорее даже на платформе. Краем сознания Катя поняла, что это те самые ботинки, которые она видела через окно туалета во время своего недолгого заточения в санузле «Бездомной кошки».

В ту же секунду она увидела еще одни ботинки – разбитые и давно нечищенные и услышала разъяренный вопль, напоминающий рев раненого носорога:

– Вы что же, гады, совершили – вдвоем на женщину напасть? Меня, как видно, вы не знали, так вот узнаете сейчас!

Катя приподнялась на локте и увидела Леонтия Хвоща, который молотил кулаками ночных грабителей. Не все удары достигали цели, но и тех, что попадали, было более чем достаточно. Впрочем, грабители не слишком сопротивлялись, они в основном уворачивались от ударов рассвирепевшего художника, а вскоре посрамленные бандиты скрылись в подворотне, сопровождаемые грозным улюлюканьем непобедимого Леонтия.

Оставшись несомненным победителем в этой ночной схватке, Леонтий помог Катерине подняться и проговорил, гордо выпятив грудь:

– Вся сила, видишь ты, от хлеба, кормилец наш, он – наше все!

– Спасибо, Леня! – искренне проговорила Катерина, отряхиваясь.

К счастью, в результате неожиданного нападения она ничего себе не сломала и обошлась даже без серьезных ушибов, но все же лишилась чемоданчика, который в качестве трофея унесли грабители. Впрочем, может быть, это было и к лучшему. Катя и сама давно уже хотела от него избавиться.

– Слушай, Ленечка, раз уж ты такой замечательный и благородный, может, ты мне еще и такси поймашь? – Катя заглянула в глаза своему спасителю. – А то у меня сегодня сумку украли, и вообще такой тяжелый день выдался...

– Ужели я не понимаю скупую женскую слезу? – прочувствованно воскликнул Леонтий. – Машину я сейчас поймаю и враз до дома довезу!

– Ух ты! – восхитилась Катя. – Ты уже и в рифму чешешь! Может, тебе вообще из художников в поэты переквалифицироваться? У тебя это явно лучше получается!

Леонтию такая оценка явно не понравилась. Он надулся, но исполнил свое обещание – призывно замахал руками и вскоре остановил невзрачные бежевые «Жигули».

Катя плюхнулась на заднее сиденье и удовлетворенно вздохнула: тяжелый день, полный недоразумений, приключений и неприятностей, кажется, подходил к концу.

Леонтий устроился рядом с ней и гнусавым, полным обиды голосом проговорил:

– Меня поэтом ты назвала, обидно это и смешно!

– Тебя обидеть не желала, мне это, правда, все равно! – ответила Катерина и фыркнула: – Ну вот, сама тут с тобой стихами заговорила! Наверное, это заразное, как грипп!

Она назвала водителю свой адрес и блаженно откинулась на спинку сиденья. На сегодня все неприятности кончились. Сейчас она приедет домой, напьется чаю с печеньем и ляжет спать. Какое же у нее дома печенье? Перед глазами поплыли полки супермаркета, где штабелями были уложены пачки печенья – песочного и слоеного, с маком и корицей, с вареньем и шоколадом, с орехами и кокосовой стружкой, воздушное, из сбитых белков, а также корзиночки с вареной сгущенкой... Катя сладостно вздохнула и погрузилась в легкую дрему, так и не успев спросить себя: отчего же не пришла Жанна? И почему она не позвонила?

Вот именно почему?..

– Откуда этот бугай вывернулся? – проговорил дерганый тип маленького роста, потирая ушибленный бок. – Ты же говорил, что она пришла сюда одна!

– Ну, черт ее разберет! – отмахнулся разноглазый. – Ты же этих баб знаешь – пришла одна, ушла вдвоем... а бывает и наоборот... хотя она вроде и ушла одна... главное, чемоданчик у нас, можем шефу рапортовать, что задание выполнено!

– Чемоданчик? – настороженно повторил низенький бандит, приближаясь к фонарю. – Чего-то мне этот чемоданчик не нравится. Точно это тот самый?

– А какой же? – Разноглазый насторожился и уставился на кейс в руках напарника. – Я ее от самого места встречи пас... должен быть тот самый чемоданчик...

Во время потасовки с могучим художником кейсу тоже изрядно досталось, и один из металлических замков начисто оторвался, да и второй едва держался.

Маленький грабитель попытался поправить замок, но тот внезапно отскочил, крышка чемоданчика откинулась, и его содержимое высыпалось на асфальт.

– Это еще что такое? – недоуменно протянул разноглазый. Лицо его озадаченно вытянулось.

– А ты говоришь – задание выполнено! – вздохнул его малорослый напарник.

На асфальте, под худосочным светом фонаря, громоздилась горка коричневатых неровных брусков. Это было самое настоящее хозяйственное мыло.

– Мыло, хозяйственное. Давненько я его не видел! И где только его люди берут? Видно, еще из старых запасов!

– Вот блин! – с глубоким чувством выдохнул разноглазый.

– Так что насчет рапорта шефу ты маленько погорячился! Вряд ли ему мыло нужно!

– Надо снова эту бабу искать! – опомнился разноглазый. – Ты не видал, куда они с этим бугаем подались?

– Вроде машину поймали...

– Но ты это мыло все-таки собери, предъявим шефу как вещественное доказательство...

Напарник покачал головой, но спорить не стал и, собрав мыло с асфальта, сложил его в ломаный чемоданчик.

Злоумышленники вышли на улицу и огляделись.

На площади царила какая-то странная, гнетущая тишина, такая бывает только на море перед началом шторма или в бескрайней степи перед приближением урагана, когда вся природа настороженно замирает в ожидании неприятностей.

– Чего так тихо-то? – опасливо проговорил низкорослый. – Ни машин, ни людей... словно все куда-то попрятались...

– Да ладно тебе, – отмахнулся разноглазый. – Ночь, вот и тихо... спят все...

Но через секунду и сам он почувствовал какое-то смутное беспокойство.

А еще через несколько секунд со стороны Невского проспекта донесся какой-то нарастающий гул.

– Это что такое? – дрожащим от страха голосом протянул напарник. – Наводнение, что ли?

– Какое наводнение? Весна на дворе!

– Ох! – Малорослый бандит попятился. – Мать честная! Это же... сегодня же...

– Да что такое? Говори уж! – Разноглазый встряхнул напарника. – Что такое сегодня?

– Сегодня «Зенит» играл! – в ужасе выдохнул малорослый.

Впрочем, все уже и так было ясно.

Со стороны Невского показалась густая бело-голубая толпа, которая неслась по улице, все сметая на своем пути.

Болельщики выкрикивали что-то нечленораздельное, и их крики сливались в ровный угрожающий гул.

Из-за угла вывернула темная машина, но, увидев толпу, мгновенно сдала назад и скрылась.

– Бежать надо... – тоскливо выдохнул низкорослый. – Видишь, как орут, – наверняка «Зенит» проиграл! В такой день им лучше не попадаться!

– Бежать? – Разноглазый завертел головой. – Поздно бежать!

Действительно бело-голубая толпа надвигалась на них неотвратимо и стремительно, как горный поток. Через несколько секунд первые болельщики поравнялись с незадачливыми грабителями, а еще через секунду поток подхватил их, как две жалкие щепки, закрутил и потащил вперед.

Разноглазый был повыше, и он удержался на ногах, а его маленького напарника мгновенно подмяли и затоптали.

Шторму, урагану, горному потоку, снежной лавине сопротивляться бесполезно.

Можно только расслабиться и отдаться на волю стихии, полагаясь на свое везение. Так и поступил разноглазый бандит, когда его захлестнул поток болельщиков. Вокруг него клубились перекошенные обидой лица, бело-голубые шарфы и футболки. Он старался удержаться на ногах, и до поры до времени это удавалось. Прошло несколько страшных минут, и наконец волна схлынула, выбросив его на тротуар неподалеку от Дома радио.

Незадачливый грабитель перевел дыхание и огляделся.

Он, несомненно, был жив и даже обошелся без переломов и серьезных увечий. Правда, он потерял своего маленького напарника, а вместе с ним злополучный чемоданчик с вещественными доказательствами своей неудачи.

Иннокентий Крутилло нажал на кнопку звонка и прислушался к донесшейся из-за двери птичьей трели. В свое время он долго подбирал звуковое решение для дверного звонка, пока не остановился на песенке малиновки красногрудой. Это звучало красиво, интеллигентно и патриотично. А поскольку Иннокентий был владельцем художественной галереи, красота, интеллигентность и патриотизм должны были сопутствовать ему во всем.

Он еще раз нажал на кнопку и только тогда вспомнил, что дверь ему никто не откроет.

Сегодня утром от него ушла жена.

То есть обещала она уйти каждое утро, и Иннокентий привык к этим разговорам, как к первой чашке кофе, прогнозу погоды или утреннему душу. Эти утренние обещания даже оказывали на него такое же бодрящее, тонизирующее действие, внушали несбыточные надежды. Иногда она даже уходила – с шумом, с криками, с хлопаньем дверью.

Но к вечеру неизменно возвращалась, потому что собственная мать, заслуженный работник здравоохранения Корделия Степановна, раздражала ее еще больше, чем муж. Выдержать ее больше одного дня жена Иннокентия не могла.

Но сегодня утром жена, уходя в очередной раз из дома, забрала с собой самое ценное, точнее, то, чем она больше всего дорожила, – медного толстопузого китайского божка.

Этого божка она холила, лелеяла, тщательно протирала специальной мягкой тряпочкой по пять раз на дню. Он стоял на самом видном месте – на тумбочке в спальне. Его подсунула жене ее лучшая подруга, Лена Известкина, крупный специалист по китайской системе фэн-шуй. Известкина утверждала, что божок приносит в дом достаток и благополучие.

Жена поверила в чудодейственные свойства пузатого китайца и никогда с ним не расставалась. Значит, раз она взяла его с собой – на этот раз ее намерения действительно серьезны.

Иннокентий этого божка не переносил, и поэтому, когда жена уложила его в свою дорожную сумку, он испытал неизъяснимую радость.

Неизвестно, правда, чему он радовался больше – освобождению от опротивевшего толстопузого божка или окончательному уходу жены. Во всяком случае, и то и другое было замечательно.

Крутилло достал ключи из кармана и открыл дверь.

Это получилось у него не с первого раза, потому что на сегодняшней выставке он несколько перебрал на радостях от обретенной свободы. Тем не менее он успешно справился с замком, ввалился в прихожую и плюхнулся на пол свой чемоданчик.

Чемоданчик издал какой-то странный звук.

В этом чемоданчике находилась большая ценность – добытое с огромным трудом настоящее хозяйственное мыло.

Это мыло Иннокентий всеми доступными и недоступными способами разыскивал на необъятных просторах бывшего Советского Союза. Разыскивали мыло и все его многочислен-

ные знакомые. Крутилло уверил своих друзей и знакомых, что у него аллергия на все современные моющие средства, шампуни и гели и он может пользоваться только этими серо-коричневыми пахучими брусками.

Все знакомые Иннокентия знали о его редкой потребности и покупали мыло всюду, куда заносила их творческая судьба, – в селпо отдаленных районов, в деревенских автолавках, в гарнизонных магазинах, на стойбищах оленеводов Крайнего Севера и в горных аулах.

Иннокентий думал, что никто из них не догадывался об истинной причине охоты за мылом.

Иннокентий Крутилло посылал мыло одной богатой американке немолодого возраста, которая считала, что только благодаря такому мылу (она называла его ядровым) ей удастся сохранить хорошие волосы, которыми эта американка очень дорожила.

Поскольку американка содержала крупный художественный салон в Сан-Франциско, а Иннокентий был связан с этим салоном постоянными деловыми контактами, он всеми доступными средствами пытался угодить богатой даме.

И вот сегодня знакомый художник, вернувшийся из творческой поездки по глухим, заброшенным деревням Тверской области, привез в дар Иннокентию двадцать кусков замечательного доперестроечного хозяйственного мыла.

Американка будет довольна.

Иннокентий включил яркий светильник, изготовленный из сломанной оглобли и раскрашенного тележного колеса, и еще раз покосился на чемоданчик с мылом.

Что-то с этим чемоданчиком было не так.

Утром, выходя из дома, Иннокентий взял старый, потертый кейс – не хотелось, чтобы новый дорогой портфель пропах вонючим ядровым мылом. При ярком свете старенький чемодан блестел потертými боками и выдавал свой преклонный возраст. А сейчас он казался новеньким, будто только из магазина. Да и цвет его несколько изменился...

Крутилло наклонился, поднял чемоданчик...

Он явно был чересчур тяжел.

Двадцать кусков мыла не весят так много...

Ну вот! Спяну Иннокентий перепутал чемоданы, и теперь придется разыскивать проклятое мыло по всему городу... ведь он уже пообещал его чертовой американке...

Он попытался открыть кейс, чтобы по содержимому установить его владельца, но замки не поддавались. Они были какие-то хитрые, с набором кода и сложными металлическими прибабасами.

Ясно, что такой приличный кейс может принадлежать кому-то из коллег-галерейщиков, а не божественной братии. Те обычно ходят с кошмарными домоткаными сумками, а то и вовсе с солдатскими вещмешками времен Первой мировой войны.

Иннокентий махнул рукой и решил, что разберется с чемоданом на свежую голову – утро, как известно, вечера мудренее.

– Ну все. – Жанна любезно улыбнулась покидающему кабинет последнему клиенту и собрала со стола бумаги.

– Жанна Георгиевна! – вскричала вбежавшая секретарша Людочка. – Там один тип очень просится, говорит, срочно!

– Вы сказали ему, что я принимаю только по предварительной записи? – Жанна нахмурилась тщательно выщипанные брови.

– Да, конечно, но ему только подпись заверить! Это же быстро...

Краем глаза Жанна видела, что клиент уже бочком протиснулся в приемную, и сдержала негодующий возглас. Клиент всегда прав, это точно. Но в данном случае не права секретарша. Сказано – без записи нет приема, стало быть, должна отшивать посетителей, не допуская до

нотариуса. А эта девчонка все путает, бегают, суетится без толку... Как трудно в наше время найти толкового секретаря!..

– Зови уж, – буркнула она сквозь зубы, бросив взгляд на часы.

Минут десять у нее еще есть. Собраться ей быстро – закрыть кабинет, провести расческой по волосам, а помадой – по губам, она всегда находится в полной боевой готовности. Машина – вон она, стоит под окнами, водит Жанна отлично, никакие пробки ей не страшны. Катерина в крайнем случае подождет пять минут, не рассыплется, сколько Жанна в свое время ее дожидалась!

Клиент, войдя в кабинет, не поздоровался, и это Жанне сразу не понравилось. Потом полез в портфель, рассыпал бумаги, долго ползал по полу и встал весь красный от натуги.

– Присядьте! – бросила Жанна.

От ее недовольного тона клиент еще больше оробел и едва не сел мимо стула. Жанна углубилась в бумаги, стараясь не раздражаться. Время неумолимо бежало вперед. Клиент, как она и ожидала, оказался полным тормозом, он никак не мог сообразить с первого раза, куда поставить свою подпись, близоруко шурился, долго примеривался и наконец расписался с большим трудом.

– Еще вот тут, за бухгалтера, – сказала Жанна.

– Что – ее подписью? – ужаснулся клиент. – Это же уголовно наказуемо!

– Да не ее, а своей. – Жанна тихо закипала, тем более что все сроки уже прошли, теперь она точно опоздает.

Недотепа наконец убрался из кабинета, тогда Жанна быстро заперла сейф, проверила, нет ли на столе чего важного, и, пробегая мимо зеркала, бросила туда взгляд. В зеркале отразилась довольно встрепанная сердитая физиономия.

«Так не годится», – подумала Жанна, заставила себя остановиться и пригладить волосы, затем слегка припудрила нос и щеки и подправила рисунок губ. Вот теперь вид в зеркале ее полностью удовлетворил – стройная, стильная, хорошо одетая женщина. Костюм сидел отлично – еще бы, фигура у нее как у молодой девушки, можно позволить себе любой фасон и любой цвет. Тут она усмехнулась – всем известна ее любовь к красному. Подруги часто подшучивали над ней, но Жанна твердо знает, что красный цвет ей идет – делает еще ярче ее южную внешность, выгодно контрастирует с выразительными черными глазами и смуглой кожей. Мнение Катерины Жанну в общем-то мало интересует, хоть Катька и художник, но совершенно не умеет одеваться. А вот Ирина, конечно, не смеет открыто смеяться, но делает всегда такое лицо, когда видит Жанну в красном...

Однако в этот раз Ирке было не до шуток. Жанна привезла этот костюм из Милана, и, увидев его, подруга только завистливо ахнула:

– Боже, какой дивный оттенок!

Цвет был не красный и не кирпичный, а нечто среднее.

– Помпейский цвет! – авторитетно заявила Катерина. – Уж вы мне поверьте! Именно в такой цвет выкрашены дома в Помпеях, до сих пор некоторые фрагменты сохранились!

Подруги с ней согласились – Катерина провела почти год в Европе, проводила время, исследуя музеи и другие памятники культуры, отлично разбиралась во всякой замшелой античности, так что не было причин ей не верить.

Жанна спохватилась, что время дорого, а она вертится перед зеркалом, как школьница, накинула короткое легкое пальто, прихватила стильную сумочку и выбежала из кабинета, захлопнув дверь. Вид у нее слишком шикарный для той сомнительной выставки, куда пригласила Катерина, публика в «Бездомной кошке» к такому не привыкла, ну да ладно.

Она выскочила из подъезда и окаменела на месте. Прямо перед носом ее новенькой красной спортивной «ауди» стоял чей-то наглый синий «ситроен»! Сзади, как обычно, прочно утвердился на своем законном месте джип «Чероки», Жанна знала его хозяина – молодого

мордатого парня, он всегда ставил здесь машину, они даже здоровались, встречаясь изредка. Но приبلудный «ситроен» встал почти вплотную, потому что дальше были ворота, перед которыми стоять запрещалось. И теперь не было никакой возможности выехать!

Мгновенно Жанна впала в ярость. «Ситроен» мог оставить только посетитель соседнего ресторана, который назывался «Мальтийский сокол». Хотя и была у них своя стоянка, но чтобы не заезжать во двор, некоторые клиенты оставляли иногда машины на улице. Но не так близко, чтобы человеку не выехать!

Жанна топнула ногой и помчалась к дверям ресторана.

– Вечер добрый, Жанна Георгиевна! – раскланялся швейцар. – Никак к нам ужинать?

В свое время Жанна оформляла швейцару завещание на дачу, а его сыну – сделку по покупке квартиры.

– Кто тот козел, что поставил машину вплотную к моей? – прошипела Жанна.

– Верно, эти... – швейцар махнул рукой в сторону группы, что сидела в дальнем конце полупустого зала, – но лучше с ними...

Жанна отмахнулась от него и побежала к дальнему столику, стуча каблуками.

За столиком сидели четверо мужчин. Будь Жанна немного поспокойнее, она заметила бы, что позы у всех четверых довольно напряженные, что не стоит перед ними на столе никакой еды, а только вода в кувшине да еще бутылка пепси. Стало быть, пришли эти люди в ресторан не для ужина, а для серьезного мужского разговора. Но Жанне застилали глаза ярость, ее южный темперамент дал о себе знать.

– Чей «ситроен» стоит напротив? – завопила Жанна скандальным голосом.

– Мой... – нехотя ответил рыхлый рыжеватый мужчина, сидевший прямо перед ней.

Жанна хотела разразиться самой что ни на есть площадной бранью, но сделала над собой усилие и сдержалась.

– Слушайте, что вы себе позволяете? – нервно заговорила она. – Мало того, что вы поставили машину не на место, так вы поставили ее так, что другим не выехать!

– Что надо? – вдруг спросил парень, сидевший сбоку.

От его грубого неприязненного голоса Жанна немного опешила, но сразу же собралась.

– Надо, чтобы вот этот тип убрал свою тачку с моей дороги! – резко ответила она, окидывая взглядом всю компанию.

В центре, напротив прохода, сидел рыжеватый мужчина, рыхлый и бледный. По бокам его пристроились две личности весьма устрашающего вида – парень с коротко стриженной головой, с оттопыренными ушами и маленькими свинными глазками и мужчина постарше, наголо бритый, в приличном костюме, но отвратительном ярком галстуке. Четвертый человек сидел спиной, Жанне видны были только светлые волосы и красная шея над воротником рубашки.

– Простите! – встрепенулся рыхлый тип, поглядев в окно. – Кажется, я и вправду загородил вам проезд.

– Наконец-то догадался! – процедила Жанна. – Ну? Долго мне ждать?

Рыхлый дернулся было встать, но тут же парень со свинными глазками положил ему руку на плечо.

– Сиди! – приказал он, и рыхлый сразу сник.

– Он сейчас не может, – усмехнулся бритый мужчина в ярком галстуке, – он очень занят.

– Да вы что? – Жанна задыхнулась от возмущения. – Да вы серьезно?

– Очень серьезно, – поддакнул бритый, – уж вы поверьте...

Резкая отповедь застыла на губах Жанны. Она увидела сверху, как по красной шее сидевшего спиной к ней человека текут струйки пота. Он пошевелился и наконец отодвинул свой стул, чтобы взглянуть на нее. Ничего особенного – блондин, конечно, а к блондинам Жанна всегда питала некоторую слабость, но эта потная шея... Блондин нетвердой рукой налил воды из кувшина, жадно выпил полный стакан и даже съел попавшийся кусочек лимона.

«Где я уже видела эту рожу?» – внезапно подумала Жанна, но тут же ярость отодвинула эту мысль на задний план.

– Кто-нибудь из вас, уродов, собирается все-таки убрать машину и дать мне выехать? – с новыми силами завопила она.

Коротко стриженный парень приподнялся, глазки его злобно блеснули. Жанна невольно сделала шаг назад и оглянулась на официанта. Тот скользнул глазами в сторону и скрылся на кухне.

– Уж придется вам, дамочка, немного подождать, пока мы разговор не закончим, – вроде бы мирно сказал бритый тип в ярком галстуке.

Но когда Жанна взглянула ему в глаза, ей расхотелось спорить.

– Чтoб вы все провалились! – от души пожелала она и побежала между столиками.

Ждать никак нельзя, придется брать машину, иначе Катька обидится.

Жанна обожгла взглядом ни в чем не повинного швейцара, проскочила в услужливо распахнутую дверь, перебежала улицу и встала на проезжей части, вытянув руку. Несколько машин пронеслось мимо, и вот когда вдалеке показалось обычное такси, откуда ни возьмись появился мотоциклист, затянутый в черную кожу и в черном же шлеме. На полной скорости он промчался мимо Жанны и сорвал с ее плеча сумку.

В первый момент она не поняла, что случилось, а когда осознала, что дорогушая сумка фирмы «Луи Виттон» пропала, а в ней – кошелек, мобильный телефон и ключи от квартиры, мотоциклиста уже и след простыл. Жанна заметила только легкий вихревой столб пыли. Такси, начавшее было притормаживать, тут же газануло и умчалось – водителю не нужны лишние неприятности.

– Караул! – тихо сказала Жанна, у нее не было сил кричать.

Да и незачем теперь, все равно ничего не вернешь. Жалко сумку, жалко кошелек. Хотя наличных денег в нем немного, зато куча банковских и дисконтных карт. Ну, с карточками она разберется быстро – нужно позвонить в банк, чтобы их аннулировали, запасные ключи хранятся у нее в столе.

– Жанна Георгиевна, как же вы так неосторожно! – кинулся к ней охранник, который все видел через стеклянные двери.

И посмотрел точно с таким выражением, с каким она, Жанна, смотрела на тетеху Катьку, когда та в который раз признавалась, что потеряла кошелек или у нее вырвали сумку в переходе метро. Этого Жанна не могла перенести. Она зарычала и метнулась к кабинету, оттолкнув охранника.

«Только бы никто не узнал!» – думала она.

Действительно, если подруги узнают, что ее ограбили, как обычную недалекую тетку, вот уж попляшут на ее косточках! Уж они припомнят ей, как издевалась и учила жизни!

Жанна осознала себя сидящей за письменным столом и беспцельно крутящей ручку на ящичке, в то время как по щекам текут бессильные слезы. Она, непотопляемая Жанна Ташьян, сидит и ревет белугой!

Хрясь! – ручка отломалась. Как ни странно, это помогло. Жанна сняла трубку телефона и поговорила с банком, затем нашла запасные ключи от машины и квартиры, тщательно припудрилась, чтобы охранник не заметил следы слез, и вышла.

Синего «ситроена» на парковке не было. Жанна только скрипнула зубами. Но когда она приблизилась к своей новенькой «ауди», то заметила небольшую вмятину на капоте, да еще и две царапины. Так и есть, этот козел поставил свою машину так близко, что не смог отъехать, не повредив чужую!

– Ну все! – зловеще сказала Жанна. – Ты у меня попляшешь! Припомню я тебе завтра все свои неприятности! Узнаешь ты еще Жанну Ташьян! Надолго меня запомнишь!

Она была так зла, что не заметила швейцара из «Мальтийского сокола», который удивленно пялился на нее со своего поста.

Жанна осторожно тронула машину с места и поехала домой, чтобы сменить замки, а то как бы шустрые воры не обнесли квартиру в ее отсутствие. Про Катерину и выставку она совершенно забыла.

Обычно люди просыпаются по утрам в хорошем настроении. Это потом на них наваливаются проблемы и неприятности, и настроение постепенно уходит в минус. Утро же – это время здорового оптимизма, бодрости и светлого взгляда на вещи.

Жанна в этом смысле была личностью нетипичной. Она просыпалась мгновенно, и сразу же ее эмоции включались на полную катушку.

Так и на этот раз – она проснулась, кипя от возмущения.

Ей вспомнилась вчерашняя история, хамское поведение мужика из ресторана, а самое главное – вмятина на левом крыле новенькой красной «ауди»!

– Ну я ему устрою! – прошипела Жанна, вставая под горячие струи душа. – Он еще не знает, с кем связался!

Она повернула терморегулятор, вода стала ледяной, и дыхание на секунду зашлось. Зато бодрая боевая злость разлилась по всему телу горячим потоком.

– В порошок сотру! – пообещала Жанна своему обидчику, набрасывая на плечи махровый халат.

Выпив чашку крепчайшего кофе, она взяла телефонную трубку и набрала номер знакомого полковника из ГАИ.

Теперь голос ее был ласковым и журчащим, как у сытой кошки.

– Здравствуй, Севочка! Как живешь? Не скучал без меня? Обязательно! Непременно! Но сейчас не мог бы ты мне немножко помочь? Нужно пробить по твоей базе одну машинку! Нет, ну что ты! – Она засмеялась низким хриловатым смехом. – Как ты мог такое подумать? Наоборот! Это какой-то хам! Представляешь – помял мою новую «авочку» и смылся, как последний козел! Вот так бы и убила его на месте! Узнаешь? Спасибо тебе, дорогой! Ты же знаешь – за мной не заржавеет!

Она продиктовала полковнику номер вчерашней машины, тот пообещал помочь, и Жанна занялась своим обычным утренним туалетом.

Через пятнадцать минут телефон зазвонил, и полковник Сева сообщил ей адрес, телефон и прочие координаты некоего Владимира Васильевича Цыплакова.

– Спасибо тебе, дорогой! – проворковала Жанна, прежде чем повесить трубку. В следующий момент она скрипнула зубами и проговорила полным ненависти голосом: – И фамилия-то какая мерзкая! Ну ладно, Владимир Васильевич, ты у меня попляшешь! Я покажу тебе небо в алмазах!

Отложив все прочие дела, она помчалась по адресу своего обидчика.

Только подъезжая к его дому, она осознала, отчего адрес господина Цыплакова показался ей удивительно знакомым: он жил в соседнем доме с ее близкой и старинной подругой Ириной Снегиревой, известной писательницей детективов и третьей в их с Катькой неразлучной троице.

«Можно потом к Ирке заскочить, кофе выпить, – мимоходом подумала Жанна, – она все равно дома сидит...»

Хоть она и признавала, что Иринины книжки пользуются успехом, но люди в основном своем никак не могут усвоить, что можно работать сидя дома в старых джинсах, непричесанной и ненакрашенной. Квартира – это не офис, дома всегда можно прерваться, чтобы поболтать по телефону или побаловаться кофейком со случайно заскочившей знакомой. Жанна прекрасно

знала, что Ирина резко отрицательно относится к тому, что ей мешают работать, тем более сейчас у нее самая запарка, но позабыла об этом, занятая собственными проблемами.

Остановив машину возле подъезда Цыплакова, она выбралась наружу и огляделась.

Неподалеку на скамеечке чесали языками местные пенсионерки. Пользуясь первыми теплыми днями, они грелись на солнышке и обсуждали животрепещущие вопросы современности. В данный момент, судя по их взглядам и негромким репликам, они говорили именно о ней, Жанне, – о ее слишком яркой южной внешности, к тому же подчеркнутой экстравагантным нарядом, о ее дорогой спортивной машине... Сегодня на Жанне было малиновое короткое пальто, которое она купила там же, в Милане, и малиновые замшевые сапожки.

Жанна скривилась, как от лимона, и прошествовала к подъезду под прицельными взглядами пенсионерок, держа спину прямо и печатая шаг, как солдат почетного караула.

Она немного остыла и поняла, что приехала зря – вряд ли господин Цыплаков находится дома, но поворачивать на глазах у бдительных теток ей не позволяла природная гордость.

Дверь подъезда была оснащена домофоном, но в тот самый момент, когда Жанна подошла к ней и задумалась, что делать дальше, эта дверь распахнулась, и на пороге показался прилично одетый господин средних лет.

Окинув Жанну заинтересованным мужским взглядом, он придержал для нее дверь.

Жанна благосклонно улыбнулась и вошла в подъезд.

Поднявшись на лифте на седьмой этаж, она огляделась в поисках нужной квартиры.

В это время одна из четырех дверей распахнулась, и на площадку вышла толстая старуха с мопсом на поводке.

Мопс был такой же толстый и раздражительный, как хозяйка. Он задыхался и неприязненно оглядывался по сторонам. Увидев Жанну, он громко чихнул и разразился истеричным лаем.

– Не волнуйся, Максюша! – проговорила хозяйка, покосившись на Жанну. – Пускают тут всяких...

Жанна фыркнула, расправила плечи и позвонила в квартиру господина Цыплакова.

Мопс залайл еще громче и сделал вид, будто собирается укусить Жанну за ногу.

– Но-но! – прикрикнула Жанна скорее не на него, а на хозяйку. – Статью двести четвертую Гражданского кодекса знаете?

Мопс закашлялся, вошел вместе с хозяйкой в лифт и уехал вниз.

Жанна еще раз нажала на звонок.

Из-за двери донеслась мелодичная трель, на которую по-прежнему никто не отозвался.

– Вот паразит, – прошипела Жанна, непонятно к кому обращаясь.

Она для порядка пнула дверь ногой...

И та слегка приоткрылась.

– Это еще что за новости? – Жанна отворила дверь чуть шире и заглянула в образовавшуюся щель.

Профессиональная осторожность дипломированного юриста требовала немедленно закрыть дверь и уехать восвояси. Но врожденный кавказский темперамент, вчерашняя кровная обида и чисто женское любопытство толкнули ее вперед.

Она проскользнула в прихожую и медленно двинулась в глубину квартиры.

Квартира была приличная – огромный холл, плитка под старину, бронзовые светильники на стенах, все говорило о солидных доходах и немалых возможностях хозяина. Обитатели таких квартир не уходят из дома, оставив дверь открытой.

– Эй, кто здесь есть? – негромко окликнула Жанна.

Теперь она начала испытывать некоторое беспокойство, и уже готова была повернуть обратно, когда вдруг, за краем полукруглой арки, увидела мужскую ногу в клетчатом тапочке.

«Все ясно, – подумала она, продолжая двигаться вперед. – Господин Цыплаков задремал за газетой и не запер дверь... Ну ладно, я уж позабочусь, чтобы его пробуждение не было приятным!»

Она прибавила шагу, приводя себя в боевое настроение, и прошла через арку, оказавшись в просторной кухне.

От клетчатых тапочек взгляд поднялся к вельветовым домашним брюкам, к рыхловатому крупному телу, втиснутому в бежевый свитер... Жанна зажала рот, чтобы не закричать. Хотя она была женщина бывалая, выдавшая виды и спокойно принимавшая уродливые гримасы действительности.

Господин Цыплаков полусидел в легком металлическом кресле стиля хай-тек. И все было бы хорошо, да вот только на голову ему был туго натянут полиэтиленовый пакет. Тоненькая прозрачная пленка, сквозь которую вполне можно было разглядеть лицо несчастного Владимира Васильевича. И он, должно быть, какое-то время мог смотреть сквозь нее. А вот воздух сквозь эту пленку не проходил. Что и привело к преждевременной и мучительной кончине Цыплакова, случившейся, судя по всему, совсем недавно.

– Господи, – пробормотала Жанна, медленно пятясь, – что же это такое? Зачем я сюда зашла?

Вопрос был бесполезный, можно сказать – риторический.

Ответа на него у Жанны не было.

Единственное, что она знала совершенно точно, – это то, что она оказалась не в то время и не в том месте. Да еще, пожалуй, то, что полусидящий перед ней мертвый мужчина – это именно тот человек, которого накануне она видела в ресторане «Мальтийский сокол». Тот человек, чья машина загородила ей дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.